

ПУСТЬ НЕ СТАРИТСЯ ГЕРОЙ!

Незабываемый спутник фронтовиков, любимец читающей публики разных поколений Василий Теркин...
А был ли у него прототип в жизни?
Эта редкая фотография — драгоценная реликvia Василия Ивановича Глотова. Что за ней стоит, вы узнаете из нашего рассказа.

Ветераны Западного фронта помнят, как на исходе леты 1942 года в редакцию газеты «Красноармейская правда» прибыл «право-фланговый маленький писательского взвода» Александр Твардовский. Позже они четко нес свою ратную службу. На переднем крае он «без отлучки от колес... заносил в свою тетрадку строки, извившие вразброс». Потом, как патроны в обойме, они плотно ложились в стихотворные строки военной лирики.

Несколько дней спустя в поезд-тиографии под вагонной крышей, искасанной осколками зенитных снарядов, своим товарищам по пути Твардовский читал первые главы «Василия Теркина». Напечатанные затем во фронтовой газете главы, как солдат-новобранец, как свежие боеприпасы, тут же отправляли на огневые позиции. Здесь их с нетерпением ждали десятки и десятки тысяч фронтовиков — однополчан Василия Теркина.

За год до Великой Победы — в 1944 году — вышло первое издание книги про бойца. Это было двойным подарком для автора. Потому что поэма вышла в свет на его родине — в Смоленске. Обугленный, искалеченный родной горд Твардовский увидел в первые часы освобождения.

С Василием Теркиным теперь уже познакомились и сразу же полюбили солдаты всех фронтов, люди всей нашей страны. С боли в едином строю с нашими войсками он и автор поэмы перешел через границу в Восточную Пруссии. Здесь, в логове врага на станции Тапиау, редакционный поезд «Красноармейской правды» закончил свой путь «в тот день, когда окончилась война и все стволы палили в счет салютов...»

Вот тогда и были сделаны этот снимок. В центре — А. Твардовский. Рядом, слева — О. Верейский, первый из графиков, создавший образ Василия Теркина. Еще в радиодрамах будних фронтовых газеты «Красноармейская правда», регулируя все фотографии для клише, художники одновременно иллюстрировали и главы поэм. Как вспоминают очевидцы тех лет, может, потому, что Твардовский и Верейский оба уроженцы Смоленщины, между ними возникли та творческая спайка и духовное согласие, когда художническая эзотерика поэта и поэтическое зрение художника обогащают друг друга. Художник, свой в писательском мире, создает рядом мир своей, пасажды оставляя в нашей памяти и «зримые перты» слова. Мы помним не только Теркина Александра Твардовского, но и Теркина Ореста Верейского.

Теперь настало время рассказать о третьем изображении на этой фотографии. Тем более что он, как две капли воды, похож на Василия Теркина. Да, и зовут его тоже Василий. Впервые мы познакомились более десяти лет назад в Львове. Здесь он живет и сейчас.

Мени радушно принимал ладно скроенный креп — балагур с открытым добрым лицом. Ему ни за что не даешь за семидесят. Одет просто, по домашнему. На ногах мягкие, кустарной работы валенки. Нашу беседу как бы «утягивал» крепко заваренный душистый чай. Отхлебнув из блюдца, Василий Иванович метнул на меня с хитриной взгляд и продолжал:

— Потому и запомнил, что хорошие стихи. Популярны У вас есть что-нибудь еще?

Вскоре во фронтовой газете «Красноармейская правда» были напечатаны мои новые стихи. Слышишь нашу песню, — сказал он, — и все чаще и чаще наведывалась в редакцию, чтобы показать Александрю Твардовскому свои новые «вирши».

Когда выпала свободная минута, по просьбе Твардовского Глотов брал в руки гармошку и играл русские народные песни. Особенно поэту нравились сибирские подгорные. Выпало, Василий Иванович так же с удовольствием колол дрова или заправлял котел трапу «литовками». Сила была да и насы, полученный еще в детстве.

— Не каждый сумеет так! — восхищался Александр Твардовский, знавший толк в наследии крестьянского труда. Любил он наблюдать и когда Глотов что-нибудь мастерил или ремонтировал.

Лучше нет чайку в доставке, Хмель — он гречет, да не так.

И писался:

— Это из «Теркина»... Проверим?

И, допив очередную чашку винискуса, подошел к стеллажам во всю стену. Не глядя на полки с плотными рядами томов, он безошибочно и как-то очень бережно вынул из книжной обоймы ту нужную, залетную. Книжника на первый взгляд было ничем не примечательна: коричневая — меньше палиросной коробки, переплетена в скромную обложку-одежку, серые, хрупкие страницы. Про такие обычно говорят: «Уже не первая молодость».

Но простененная на вид книга в наши дни стала редчайшей, если не уникальной. И не только потому, что ее тираж — всего лишь

И кто знает — может быть, именно тогда, когда тот орудовал инструментом, у Твардовского родились строки:

Я от скрипки — не все руки.

Буду жить — мое со мной.

Во всяком случае автор «Василия Теркина» наделил своего героя чертами характера не только бывшего солдата, но и отменного умельца. А чуть позже обратил внимание на эту натуре другой мастер — художник Олег Верейский, работавший в то годы во фронтовой газете.

Как-то, — вспоминает Василий Иванович, — я стал замечать, что он угадкой пытается избрать с меня рисунок: то играю на гармонице, то сморачиваю самокрутку с махоркой. А потом даже стал просить, чтобы я ему показывал. Тогда я не догадывался, зачем ему это.

А вот как рассказывает об этом сам О. Верейский:

— Не скажу, чтобы рисунки, которые я делал для глав «Василия Теркина», вышедшие в 1944 году, когда еще шла война и литературный герой Василий Теркин вместе с А. Твардовским был на фронте.

И опять-таки не только поэтому так бесценна эта книга, стоявшая в плотном строю томов библиотеки Василия Ивановича. Она дорога ему еще и потому, что на титульном листе рукой самого А. Твардовского написано: «...близкому родственнику В. Теркина, моему другу».

Надпись сделана на фронтовую книгу «Василия Теркина».

Разумеется, каждый раз я делал разные результаты своих поисков с Александром Трифоновичем. И каждый раз спрашивал в ответ: «Нет, это не он». Да и сам знал — не он.

Но вот однажды в нашей редакции появился новый поэт. Приехал к Твардовскому почитать ему свои стихи. Василий Глотов всем нам сразу понравился. У него была добрая ульбка, веселая и правда. И еще мы знали, что предельно требовательному Твардовскому понравились некоторые еще незрелые стихи молодого поэта. Прошли несколько дней, и друг я пронизивший меня радостным чувством узнал Василия Теркина в Василии Глотове. Я бросился к Александрю Трифоновичу со своим открытием. Он сначала удивленно вскинул брови, потом попросил меня для начала нарисовать Глотова и показать ему...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александрю Трифоновичем сказал: «Да». И это было все. С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим. В дальнейших публикациях в зависимости от характера издания и способа познания я переделывал этот портрет, меняя только технику исполнения, но стараясь не нарушать сходства...

А иллюстратор Василий Глотов нарисовал Глотова и показал его Трифоновичу...

Идея «попробовать» на образ Теркина показалась Глотову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, распиваясь в ульбке, что делала его еще больше похожим на Теркина, каким я его себе представлял. Я нарисовал его альбом, в профиль, в три четверти, с опущенной головой и показал рисунки Твардовскому. Александр

РУССКИЙ ВАЛЬТЕР СКОТТ

Прав Пушкин,
прав и Белинский

А. С. ПУШКИН В ПИСЬМЕ И. Т. КАЛАШНИКОВУ В НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ 1833 Г. (ЧЕРНОВИК):

«Вы спрашиваете моего мнения о «Камчадалке». Откровенность под моим пером может показаться Вам простою чтигостию. Я хочу лучше повторять Вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного гения. Прочтите «Дочь купца Жолобова», он мне сказал: как одного из русских романов я не читал большими удовольствием. «Камчадалка» верно не ниже Вашего первого произведения. Сколько мог я заметить, часть проблесков, которая судит о книзах не по обложению заслуг, а по собственному впечатлению, подобна Вам и в новых родившихся признаках обеих пьес».

Б. Г. БЕЛИНСКИЙ В XXVI Т. «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» ЗА 1845 ГОД (ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ ПОСЛЕ ПУШКИНА, КОГДА УЖЕ РОМАНТИЧЕСКАЯ РОМАНИСТИКА УГАЛАСАЛА):

«Камчадалка» была вторым и, как обмылено, первым без прикрас, слабоватым произведением ее. Калашникова, тогда как и первое его произведение — «Дочь купца Жолобова» — было довольно слабо. Содержание «Камчадалки» составляют разные небывалые и мистерские приключения, дурно нахалеванные картины сладенькой прямичной любви, мелодраматических злодейств, с добродушными, плохими куражами и тому подобными странностями. Между всем этим изредка попадаются, как правило, пустыни, любопытные подробности о природе Камчатки и краях ее таежек. Очень жаль, что г. Калашников, вместо плохих романов, не издал что-нибудь броде записок о Сибири».

Именно «Записки» он и не смог издать до конца своих дней.

Сибиряки, как правило, пристрастны и своим землякам, и тому, чтобы лестно взглянуть в основу разговора о Калашникове, оценку Пушкина Крылова, но если есть правила в их мнениях, то не меньше правила и в бескомпромиссных суждениях Белинского. Мнения, склоняющиеся и расходящиеся, как мифологические острова, то пропускающие романтические корабли и потоки, чтобы прессующие их, как легкие скорупки, чтобы отправить в грядущее в жестко сбитой обойме: Булгарин, Греч, Полевой, Масальский, Калашников.

Вот причина, по которой лишь сейчас, через полтора века, возвращаются романы Калашникова, читатель Восточно-Сибирского краинского издательства в серии «Литературные памятники Сибири».

Иван Тимофеевич Калашников — коренной сибиряк, его предки и дед происходили из сложных людей, близких и воеводам благодаря грамотности своей, добывали себе хлеб насущный писарским делом, вышибались в чиновника губернаторской канцелярии. Дед был вызван в Иркутск из родного Нерчинска, да так и не достиг столь значительных чинов, чтобы переплыть сюда и семью, отец — Тимофей Калашников, начал в июне 1772 года десятилетний парничной служить в Нерчинской военной канцелярии в самой низкой должности канцеляриста (изначально — 93-я категория в треть), упорно поднимаясь по нарахической лестнице, претерпевшая стояческих низоград, и к концу жизни был произведен в надворные советники, и тут же, через полгода, по старости и болезни уволен в отставку. Его службу в Иркутской канцелярии, в хозяйственной экспедиции и должностях стряпчего по уголовным делам, была источником всевозможных рассказов о делацах иркутских и намечатских в многочисленной семье. Тогда в Иркутске главным, а порой и единственным развлечением были семейные застолья да бедсы, еще не было устроен городской театр, и лишь по первоклассным праздникам являлись в домах кукольники из числа семинаристов и гарнизонных солдат-отпуканников с представлениями то бильярдной притчи, то народного фарса. Из вечерних разговоров высокий писатель умы разного рода сведения, дополненные слухами из его собственной практики, они стала со временем самыми яркими страницами его романов, более того, излагая проишествия, наступающие буйной фантазии «сибирского Купера», он мог бы поставить на полях подлинные имена и упомянуть подлинные события.

Начинал отец,
продолжил сын

Отец писателя оставил написанные языком, выражительным стилем записи — «Жизнь незаменимого Тимофея Петровича Калашникова», проплытым словом писаная с 1762 по 1794 год. Их страницы оканчиваются в своих романах «Дочь купца Жолобова», Иркутское предание», «Камчадалка», «Автомат». Записи и сознанием, доведены лишь до 1780 года, далее — лишь план, в котором читаем: «1797 г. 22 октября постру... даровал мне Бог сына ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА: милогая ему лета!».

«Русским Вальтером Скоттом» или «русским Купером» называли современники первого сибирского романиста И. Калашникова. Его романы «Камчадалка», «Автомат», «Изгнаники» были очень популярны. Творчество Калашникова привлекло внимание Пушкина и Белинского.

Статьи о писателе сегодня выходят в трудах Сибирского отделения АН ССР, в Восточно-Сибирском издательстве готовится сборник его прозы.

О трудной и противоречивой судьбе автора рассказывает этот очерк...

Через три года наступил XIX век. В детской памяти Ивана Калашникова Иркутск был гора остается довольно грязным городком или даже большим селом.

В 1805 г. открыта в Иркутске первая гимназия, в числе поступивших был и Иван Калашников. В гимназии была прекрасная библиотека — сочинения зарубежных и русских авторов, учебные книги, даже стоящие две тысячи энциклопедии Д'Аламбера и Дири. Директор, учений муж академии Майер привел, впрочем, гимназию сю в тяжелые времена. Между теми и эти годы в Сибири началась эпидемия чумы, а также и другие опасные болезни. Калашников, несмотря на это, продолжал учиться и даже стал лучшим учеником в классе.

Судьба Калашникова тоже резко изменилась. Сперанский, не будучи валиния Словцов, обратил внимание на одаренного канцеляриста, посыпал его в чине и дал ему особое поручение.

Тень Сперанского будет являться в романах Калашникова, как правило, в образе справедливого начальника или ревизора, спасающего безнадежно гибнущего главного героя, а различного рода сведения о Сибири, собранные и обработанные молодым чиновником по заданию губернатора, станут самыми яркими страницами, отвлекающими читателя первой половины XIX в. таинственную и незнакомую землю, лежащую за Уральским хребтом.

Судьба Калашникова опубликована в 1816—1817 гг. свои первые географические очерки и этюды природы сибирской и «Казакиных известиях».

Несомненно душевное потрясение, вызванное прибытием в Иркутск, а затем и деятельности в роли генерал-губернатора Михаила Михайловича Сперанского, выдающегося деятеля века. В течение менее полутора лет пребывания в Сибири, — заметил потом в своих «Записках» Калашников, — онники разъяснили по многолюдному, многоликиму и бесчинственному преступлению по всем Сибирским губерниям, и написав также многосложные и огромные проекты, в числе десяти, для будущего устройства Сибирского края. — Сперанский совершил истинное чудо, только одному гению доступное. Все обнял быстро и верно своим гениальным взглядом, всему дал жизнь и дыхание, везде положил твердые и верные начала, и когда же! — посреди беспрестанных переездов, так сказать на лету, почти без всякой помощи!»

Судьба Калашникова тоже резко изменилась. Сперанский, не будучи валиния Словцов, обратил внимание на одаренного канцеляриста, посыпал его в чине и дал ему особое поручение.

Тень Сперанского будет являться в романах Калашникова, как правило, в образе справедливого начальника или ревизора, спасающего безнадежно гибнущего главного героя, а различного рода сведения о Сибири, собранные и обработанные молодым чиновником по заданию губернатора, станут самыми яркими страницами, отвлекающими читателя первой половины XIX в. таинственную и незнакомую землю, лежащую за Уральским хребтом.

Из Тобольска — в Петербург

В 1822 г., по предложению Сперанского, уже вернувшегося в Петербург, Калашников переведен в Тобольск, а потом в Петербург. Там он входит в круг петербургских литераторов.

Пишет Калашников уральскими. Будучи членом общественных и безмерно честных, он не извлекает особых доходов из своих достаточно высоких должностях. Появляются многочисленные дети, одолевает нужда, и свой долг — он должен делить между белым листом бумаги на домашнем письменном столе и взятой для приватной должностью учителя русской словесности в Первом кадетском корпусе и наставника-наблюдателя в Дворянском полку.

В 1830 г. появляется его первая петербургская комплиментарная работа «Об устройстве судебно-уголовной власти в Греции и Риме», а затем один за другим романы — «Дочь купца Жолобова» (1832), «Камчадалка» (1833), «Изгнаники» (1834), затем после шестидесяти первого — последний роман — «Автомат» (1841). Его книги издаются и переиздаются, переводятся на другие языки, активно читаются, хвалятся и ругаются критикой, но сам Калашников замолкает почти на двадцать лет. Нельзя сказать, что он ничего не создает: в 1842 г. публикуется в «Сыне Отечества» его «Памятническая вагтия на русскую литературу», в 1845 г. выходит «Ода в похвалу прекрасному полу», затем — «Книга для читателей воспитанников сельских училищ», но все это слишком неприметно после романов. В последние годы он упорно работает над главной своей книгой «Записки Иркутского жителя».

В Ленинграде, в Пушкинском доме, хранится большой рукописный фонд Калашникова — переписка со Словцовым и земляками, неопуб-

ликованные стихотворения, черновики. Многие листы, особенно энтузиастичное наследие, дают дополнительный материал о сибирских привычках и быте.

В романах своих Калашников выступает как историк, географ, этнограф, лингвист. Как историк он точно, образно рисует важные события, связанные с присоединением Сибири к России (страны Биографии Хабарова, его сподвижников и потомков в «Дочери...»), шаги по освоению Восточного океана (так тогда называли Тихий), Камчатки, необозримой тундры. Он воспроизводит картины взаимоотношений пронизицальной власти и чиновников, мещан, аристократов, казаков.

Как географ он рисует ландшафты, климат, растительность, животный мир, особенности рек, гор, озера — Тихого и Ледовитого, зрильные, ярко встающие перед читателем малоизвестные, пустынные, замороженные стежки и покрытые тайгой величественные, прекрасные пространства.

Этнографические знания Калашникова многообразны и обширны, они прорисовываются в каждой бунзаново строке его сочинений: и в том, как весело и празднично проходят в Иркутске начала XIX века «запустки» — совместная, как бы ритуальная, засолка настырей, как относится к своим мертвым настадам, какую одежду носят жители в разных местах тайги и тундры, как спрашивают свои радостные и горькие обряды.

А фольклор, притчевые, народные песни, в том числе и камчадальские, бургаские, певческие, народные Калашниковых на русском языке? А сам народный язык, местные сибирские речи? Калашников первым из российских литераторов знакомил читателя с говорами Восточной Сибири, более того: неизвестные читателю Петербурга и Москвы сибирские слова он выделяет в тексте курсивом, давая им точные, образные толкования.

Долго ждали

своего часа

«Записки

иркутского жителя»

Кто знает, как повернулась бы судьба первого сибирского романиста, не осталась он Сибирь за три года до появления в ней декабристов. Его жадно все шпионявшая ничего не теряющая и все перерабатывающая натура, несомненно, более бы соотнела высокими идеями века здесь, на родине, чем в придаче Петербурге, в чиновническом мире, где ему сумело быть служить. Менду тем литература менялась, обогащалась новыми идеями. Единственный роман, который была замечена, отечена, которая соответствовала бы духу все крепчавшего критического реализма — «Записки Иркутского жителя», — лежала в рукояни еще долгие десятилетия после смерти «сибирского Купера», перенесшего свое имя.

И лишь Сибирь не забывала о своем сыне. Добрые слова о нем периодически появлялись в статьях и монографиях М. А. Азадовского, А. А. Богданова, А. В. Зигура, П. Я. Черных, Ю. С. Постнова, Г. Ф. Кунгурова, В. П. Лентьева, особая глава посвящена Калашникову в первом томе «Черновой русской литературы», изданным в 1982 г. Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук ССР, труде замечательным и привлекательным, но поставлены в общепретертный ряд его авторами имена многих, незаслуженно забытых писателей. И вот теперь в Иркутске выходит составленный автором этих строк том романтической прозы «Сибирский Купер».

Долгое время считалось, что не существует портрета И. Т. Калашникова. Когда в Иркутске издавалась справочник «Литературная Сибирь», был объявлен своеобразный поиск, но он не увенчался успехом. И вот недавно, будучи в гостях у замечательного ленинградца, библиофилы и собиратели раритетов М. С. Лесмана, и обратил внимание на гравюру, высеченную на доске в гробнице учителя русской словесности в Первом кадетском корпусе и наставника-наблюдателя в Дворянском полку.

В 1830 г. появляется его первая петербургская комплиментарная работа «Об устройстве судебно-уголовной власти в Греции и Риме», а затем один за другим романы — «Дочь купца Жолобова» (1832), «Камчадалка» (1833), «Изгнаники» (1834), затем после шестидесяти первого — последний роман — «Автомат» (1841). Его книги издаются и переиздаются, переводятся на другие языки, активно читаются, хвалятся и ругаются критикой, но сам Калашников замолкает почти на двадцать лет. Нельзя сказать, что он ничего не создает: в 1842 г. публикуется в «Сыне Отечества» его «Памятническая вагтия на русскую литературу», в 1845 г. выходит «Ода в похвалу прекрасному полу», затем — «Книга для читателей воспитанников сельских училищ», но все это слишком неприметно после романов. В последние годы он упорно работает над главной своей книгой «Записки Иркутского жителя».

Первую третью жизни — двадцать шесть лет — провел Иван Тимофеевич Калашников в Сибири, две трети — сорок лет — в Петербурге. Но так до конца дней своих не приехал он и стоящему, считая ее холодным, чужим для себя городом, тосковал о крае своего детства и юности...

Марк СЕРГЕЕВ.

ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Одни из старейших наших литературно-художественных журналов «Сибирские огни» выходит 63-й год. Многочисленные читатели привыкли к светло-бежевому его обложке, на которой черно-красным плакатным шрифтом значится название. На титульном листе — изображение ордена «Знак Почета», «Сибирские огни» — первый из литературно-художественных журналов, отмеченный высокой правительственной наградой. Не менее высокое признание — несомненный интерес читателей, и не только сибиряков.

Традиции — вещь хорошая. И журнал все эти десятилетия сохраняет привычную глазу читателя: верстку, цвет обложки, по которой можно сразу его узнать. Но гораздо важнее, конечно, другая традиция журнала — знакомить в каждом новом номере с произведениями, достойными внимания читателя, формировать вокруг себя актива постоянных авторов, представлять новые имена.

Не нарушая эта традиция и в номере, начавшемся новый, 1985 год. Он открывается подборкой материалов, посвященных 40-летию Победы. Среди авторов не только люди, прошедшие войну, но и молодые литераторы. Томичка Л. Коваленко, например, выпущенная со стихотворением, посвященным маме — бывшему старшине медицинской службы 91-го полевого госпиталя. Яркое стихотворение еще раз свидетельствует о том, что тема войны, тема Победы всегда останется современной, волнующей поэтов и писателей.

В январском номере публикуются «Записки русского гардемарина». Автор — В. Переладов в далекие годы был сыном новосибирского погоняя, потом зачехнился чиновником, воевал под Москвой, попал в плен. Несколько раз бежал. После каждой раз Переладов удалялся возвращаться из концлагеря уже в Италии. Вскоре он стал командиром русского ударного батальона, действовавшего в составе отряда итальянских партизан. Русский ударный батальон проявлял чудеса герономии и храбрости, он сражался с фашистами на самых тяжелых и ответственных участках. «Записки русского гардемарина» воссоздают эту страницу военной истории, рассказывают о замечательных синах итальянского народа, таких, как Лунджи Лонго, с которыми Переладов посчастливилось встречаться.

Писательница Р. Коваленко представила на суд читателей свою повесть «Сибирь — зеленые дороги». Это тоже рассказ о войне. Но только здесь в центре внимания далекий тыловой с

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

революции

Наступление Нового года сопровождается в Никарагуа с разгаром тропического лета, которое отличается от зимы еще более беспощадной жарой и отсутствием дождей. Кокосовые пальмы и буйная зелень манговых деревьев разнообразят контрасты с изображенными белобородыми, прекрасно сшивающимися из кокосов Санта Клаусами, которые можно увидеть в античных магазинах. С приходом сумерек в домах загораются разноцветные огни, в обладании искусственных блоков с гордостью выставляют их в окнах.

В преддверии Нового года многие иностранцы, прожившие в Манагуа, отправляются на север, где растут близкими родственника «фи» — сосны, за приятно пахущими, различными видами. Местные жители относятся к нуждам им обычно снисходительно, поминаясь. Какой толк никарагуанского крестьянину в сосновой? Зато почти в каждой хижине встречаешь привлекательные и стоящие ветви с темно-зелеными листьями и красными шариками плодов.

Яркие ягоды украшают кофейное дерево — тут же вложены игрушки и ум, конечно, куда лучше для никарагуанца, чем блестящие стекляшки и

мишура. Декабрь — самая жаркая пора на кофейных плантациях. От того, какими будут урожаи, во многом зависит экономическое положение Республики в будущем году.

Загорелые руки мыльяют среди ветвей, ссыпая зерна кофе в пластмассовые корзины. За спиной каждого — автомат. На вершинах холмов расположились дозорные патрули. В любую минуту мирный труд крестьян и приехавших им из подгорья городских рабочих и служащих могут нарушить преступные банды наемников ЦРУ, которые вторгаются в Никарагуа из соседнего Гондураса. С ноября этого года сомосовские голубиры пытаются осуществить так называемый план «Кузьма Самбара», что в переводе с испанского означает «новый посев». За название этой кровавой операции, разработанной специалистами американского штабного ведомства, скрывается намерение сорвать уборочный сезон, «послать» на никарагуанскую землю смерть и разрушения. Вот почему столица часто употребляемое здесь слово «битва за кофе» имеет для народа Никарагуа далеко не мирное значение.

**Новый год
Никарагуа**

...Тонкое деревце с красными плодами растет в доме заместителя министра культуры Никарагуа Франиско Лайко, с которым мы встретились в один из предновогодних дней. Поглядывая черную бороду с глазами землистыми профессиональными седыми, он смеется, как странно выглядит на фоне златой солнечной столицы краснощекие Санти Клаусы и пластиковые вики.

— Я со своей семьей по традиции встречала Новый год у кофейного дерева, так же, как тысячи наших соотечественников, которые трудятся на горных плантациях, — говорит мой собеседник. У народа распространена немало хороших традиций, которые были по-прежнему живы. С момента возвращения подлинно никарагуанской культуры, ее самобытности имеет особую важность для Республики, превращающей в мощное оружие борьбы с глубоким военным вмешательством и идеологическим проникновением империализма. Эта задача будет одной из основных для всех нас в будущем, новом году никарагуанской революции.

С. ГОРБУНОВ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».
МАНАГУА.

Вот что пишет корреспондент итальянского журнала «Элока», на страницах которого опубликованы эти фотографии: «Две снимка, сделанные в Никарагуа, показывают, что народ этой маленькой страны живет сегодня в постоянной тревоге. Работающие в поле крестьяне не расстаются со своими ружьями — они готовы в любой момент отразить возможную агрессию со стороны США».

СЭВ: ОРБИТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

«Равис» для Останкино

В программе «Новости» Венгерского телевидения передали короткий репортаж своего корреспондента из Москвы. Всё это из телецентра в Останкино. Показал студию, вереницу «конюшечек» пульта, виды рядов в зрительном зале, экран-табло, по которому бежала многоцветная череда слов. И рассказал о том, какую роль в создании нового технического оснащения этой студии сыграли венгерские специалисты, упомянув называнием будапештского промышленного кооператива «Равис».

В Советском Союзе программа «Равис» особенно хорошо узнала в дни московской Олимпиады. Тогда его табло помогали следить за

ходом спортивных состязаний в Ленинграде и Таллине, Минске и Киеве.

В кабинете руководителя «Равис» Рудольфа Шустера висят большие карта Советского Союза. На них отмечены многие города.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Расскажите о ваших новых, которых спутники с центральными, которые устроили в секторах культуры, их освещением.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Расскажите о ваших новых, которых спутники с центральными, которые устроили в секторах культуры, их освещением.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

— Нашему промышленному кооперативу в этом году исполнилось 30 лет, из них 15 лет мы поставляем продукцию в Советский Союз, — говорит Рудольф Шустер. — Это и световые информационные табло для концертных залов, стадионов, и саатори-гигиеторы для телевидения, телевизоры, инновации. В этом году мы открыли в Москве свой пункт ремонта, обеспечив запасными деталями. И это тоже говорит о мас-

штабах наших спутников. Поставки в Советский Союз — важнейшая культура в техническому совершенствованию. Они доставляют нас постоянно обновлять ассортимент.

